

Дворник. Завод Гарднера в Вербилках. Россия. 1820-е гг.

Дворник в Петербурге — одна из самых старых профессий. Их значение «Инструкция для дежурных дворников» определяла так: «...дворники ближайшие охранители личной и имущественной неприкосновенности городского населения». История возникновения и становления профессии дворника может сделаться предметом особого исследования; мы коснемся только некоторых аспектов деятельности и быта дворников, начиная с 30-х годов XIX века, когда город начал застраиваться доходными домами и эта профессия стала массовой.

Дворники «состояли для слуги» при каждом особняке, дворце, учреждении. Крупные доходные дома обслуживались большим количеством дворников, число которых определял, вероятно, хозяин. Например, в доме купцов Тарасовых под началом двух старших дворников работало 30 младших дворников или «подручных». Старшие дворники «были начальством» — сами они «по двору» обычно не работали, а следили за работой младших дворников, определяя каждому участок работы (например, часть дома с лестницей для уборки)¹.

Старший дворник вел домовые книги, наблюдал, чтобы все проживавшие в доме были прописаны в участке, получал жильцам иностранные паспорта, улаживал недоразумения жильцов с полицией и вообще «представлял собой наблюдательный орган, как домовладельца, так и полиции».

Жильцы доходного дома Тарасовых вспоминали старшего дворника купцов Тарасовых Григория, «боль-

Хранители петербургских дворов, или Почему дворник не веселится

Р. Э. Павлова

шого умницу, получившего среди жильцов уважительное прозвище Министр. Каждое его слово было дельно, он умел правильно обходиться с подчиненными, дворники его уважали и боялись, порядок на его участке был образцовый». Старшие дворники подбирали себе помощников из родни и земляков. Поэтому большинство дворников были русские, из отставных солдат или крестьян ближайших губерний, приехавших на заработки. Ценились дворники-татары, трезвые и работающие, они служили даже в Зимнем дворце. Их отличали по бритой голове, покрытой суконной или бархатной тубетейкой. Для того чтобы стать дворником, достаточно было хорошего здоровья и большой физической силы, трудолюбия, честности, чистоплотности и отсутствия судимости.

Принятые на работу получали форменную фуражку с лакированным черным козырьком, на околышке ко-

торой была медная пластинка с надписью «Дворник». Медные значки на цепочках — «бляхи», также с надписью «Дворник» и с указанием улицы и номера дома, одевались только при дежурстве у ворот. У старших дворников цепь с бляхой висела на груди, у подручных укреплялась на шапке. Дворник был снабжен свистком, обычно роговым. Дворники государственных учреждений носили какое-то подобие формы: фуражку с кантами по цвету ведомства и кокардой на тулье; черный бушлат с металлическими пуговицами, присвоенными ведомству, и с петлицами из галуна. У дворников доходных домов был свой стиль: летом они ходили в широких черных шароварах, заправленных в высокие мягкие сапоги, носили ситцевую или сатиновую русскую рубашку, а поверх темно-синий двубортный глухой «дворничий жилет». Желая выглядеть по-городскому, заводили хромовые сапоги, пиджак, жилетку, гарусный шарф, однако по-деревенски стриглись в скобку, оставляли усы и бороду².

Но в основном облик дворника определялся профессией: для уборки на сапоги надевали калоши, поверх одежды белый холщовый передник с нагрудником, зимой на дежурстве был необходим свободного покроя нагольный тулуп или полушубок.

Самой опасной и тяжелой частью дворничьей службы были уличные дежурства, особенно ночные: «...никому нет дела, где он укрывается от потоков дождя, обрушивающихся с неба в осенние ночи, или зимой, когда морозы достигают 25–30 градусов... Независимо от погоды, он проводит на улице всю ночь...»

Дюма, которому принадлежат эти сочувственные слова, так описывает «ночных слуг» Петербурга: «...в одной руке у него деревяшка, в другой барабанная палочка, дворник прохаживается и выстукивает всегда один и тот же мотивчик, и это означает, что он бодрствует, и, стало быть, несет службу. Иногда он обходится без деревяш-

Дворник. Первая половина XIX в.

ки и стучит по деревянным столбам, установленным перед домами. И мелодия, им извлекаемая, становится еще более звучной. Хотя люди то и дело просыпаются, они, по крайней мере, знают, что можно не беспокоиться; дворник начеку»³.

Проверить, спит ли дворник дома, договорившись с дворником соседнего дома охранять по очереди, или ушел погреться в подъезд, было трудно. Поэтому родственница Пушкина Закряжская решила, «во вкусе умной старины», купить дворнику балалайку с тем, чтобы он всю ночь ходил по тротуару, играл и пел. Но так как ночь была морозная, дворник побренчал и ушел спать. Проснувшись ночью в полной тишине и боясь воров, барыня захотела узнать, почему «дворник не веселится»⁴.

Ночной дворник был характерным «петербургским типом». «В полночь город затихает, а в два часа ночи на улицах остаются только спящие ночные извозчики, дворники, сидящие у ворот в своих овчинных тулупах, да городовые, приткнувшиеся где-нибудь у уголка»⁵. Но сидеть на скамейке или табуретке запрещала «Инструкция для дежурных дворников», подписанная в декабре 1901 года Санкт-петербургским градоначальником Клейгельсом. Дворникам указывалось, что целью дежурства является охрана, поэтому стоять необходимо на тротуаре, «имея за домами постоянное наблюдение и без крайней необходимости не оставляя своего поста». Этой задаче подчинялся даже... угол подъема воротника тулупа, который можно было поднимать, «только до такой степени, чтобы он не препятствовал иметь бдительный надзор за всем происходящим»⁶.

Например, дворник должен был «бдительно надзирать», чтобы не подбрасывали никаких предметов и ничего ночью на фасады не наклеивали (днем, при наличии разрешения, можно было наклеивать «информационные материалы» строго определенного характера).

Летом дежурство начиналось в 8 вечера и заканчивалось в 6 утра, причем дворники сменялись через 4 часа. Зимой — в 4 вечера и заканчивалось в 8 утра, со сменой через 3 часа. Нельзя было покинуть пост или нанять вместо себя другого сторожа без уведомления полиции. «В воскресные, праздничные и табельные дни, а также накануне таковых, для надзора и наблюдения за порядком и спокойствия на

Невский проспект у Аничкова моста. Фрагмент. Худ. А. К. Беггров. 1886 г.

улицах», должны были стоять в воротах лично «старшие дворники»⁷.

Ворота во двор закрывались с наступлением сумерек, калитку запирали в 11 часов вечера, затем спускали дворовых собак. После этого попасть в дом можно было, только дернув за колокольчик (позже электрический звонок) в воротах, под которым была надпись «Звонок дворнику». Хозяин дворницкой, услышав звонок и по его характеру узнав жильца, «поворачивался, почесывался, зевал, накидывал тулупишко и, взяв ключи, отправлялся босиком по мерзлему снегу, попадая путем-дорогой левой рукой в правый рукав тулупа. Но, растворив наконец калитку, обыкновенно делался вежливее и мягче в

обращении своем и пропускал жильца молча или даже иногда приговаривал, будто нехотя, пополам с зевком «Извольте-с»⁸. Естественно, за такую услугу дворник получал «на чай».

Но иногда дворника ждало разочарование: поздним гостем оказывался околоточный надзиратель, проверявший, нет ли в дворницкой чужих людей, не выпивают ли на рабочем месте. Ключи от парадного и черного подъездов постоянно хранились у дворника, и всякий желающий осмотреть сдающуюся квартиру, найти жильца, оставить сообщение, не мог миновать «петербургского портье». Дворник, «если ваша наружность и ваши манеры внушат ему доверие, откроет вам ту дверь, которую вы ищите, а случись Вам оказаться в этом доме впервые возьмет вас за руку.. и проводит на нужный этаж»⁹.

Позже стало не обязательно обращаться к дворнику, так как «в воротных пролетах выставляется список жильцов с указанием номеров квартир, которые они занимают». Но дворники знали, «что, если на его участке случится кража из окошка или взлом дверей и виновные не будут пойманы, дежурный дворник подтверждает себя строгой ответственности»¹⁰.

Поэтому они сами интересовались подозрительными людьми, их паспортом, местом жительства, знакомыми в своем доме «прекрасно зная по давнему опыту и навыку, что люди этого разбора беседуют очень неохотно и поэтому обыкновенно, не затягивая разговора, удаляются на поиски в иное место». В зависимости от характера дворника, потенциальный вор мог быть просто выброшен взащей, «погоняемый сзади с разными разговорами метлой» либо с разьясне-

Дворник у дома № 48 по Невскому проспекту. Фото из собрания Я. Ривоша

ниями, что «здесь де брат тебе никакой поживы не будет»¹¹. Впрочем, если «украденное в чужом доме» отдавали за бесценок, дворник с преспокойной совестью мог купить по принципу «не у нас украдено».

«Наставление дворникам» 1855 года, кроме охраны, требовало от дворников содержать в чистоте и пожарной безопасности двор, дом и улицу. В разделе «О содержании тротуаров, улиц и дворов» указывалось: «Дворники должны были мести улицы и тротуары, каждодневно, утром и вечером, но отнюдь не днем»... «откосы тротуаров полагалось посыпать песком». В торжественных случаях, например, во время крестного хода в день святого Александра Невского, посыпали и мостовые. Поэтому утродворник встречал на улице. Как писал современник, «подметание улиц начиналось в 6 утра. Дворники, кое-где подметавшие улицу, первыми выходили на улицу, вместе с городовыми и ночными извозчиками...»¹² Уборка могла вызвать пыль, поэтому сначала полагалось сбрызнуть мостовую водой, причем, «уличные сметки» нельзя было сбрасывать на проезжую часть, а необходимо было собирать. Улицы должны были поливать два раза в день — утром (часов в десять) и вечером (часа в четыре), Невский — три раза в день.

Тяжелой работой была очистка улиц от навоза, ведь транспорт был конный. Особенно доставалось дворникам центральных улиц, вымощенных «торцами», дубовыми плашками. На таких улицах дворник метлой и железным скребком постоянно подбирал навоз, пока его не размесили колесами, а сами мостовые регулярно поливал и промывал из шланга, чтобы избежать неприятного запаха.

Но эти заботы окупались: прекрасное удобрение у дворника охотно покупали немцы-колонисты для своих огородов.

Зимой выпавший и «скинутый с крыши снег должен быть убран к 10 часам непременно, а если снега мало, разрознят по ширине улиц». Мальчиком М. В. Добужинский «с завистью смотрел, как дворники особыми зубчатыми лопатами скалывали ледок на тротуарах, и он отскакивал аппетитными пластинками. Иногда панель загромождали рогатками — дворники сбрасывали с крыши снег... и какой это был особенный петербургский звук — гулко бухавшие снеговые глыбы. Когда выпадал слишком глубокий снег, его усиленно счищали, и кучи его, иные с

воткнутой лопатой или метлой, тянулись вдоль всех тротуаров»¹³. Потом дворники растаптали снег в «снеготаялках», стоявших во дворах или около домов (сбрасывать снег в реки и каналы было запрещено, а вывозить на специальные свалки было далеко и дорого). Но это делалось только в центре города, на окраинах сугробы лежали до весны. Кроме того, «дворники должны были «вычищать от снега стены набережных внутри рек и каналов, каждый перед своим домом»¹⁴.

Проезжую часть не убирали, так как по ней шел санный путь. Но, когда снег затвердевал и превращался от езды в лед, его скалывали. Первым градоначальником, который ввел скалывание грязного весеннего оледневшего снега, был обер-полицмейстер Федор Федорович Трепов (1873—1878). Поэтому конец марта, когда «целые полки дворников в белых передниках быстро убирали снег с улиц», называли «треповской весной». Горожане остряли, что дворники делали весну в Петербурге»¹⁵.

В «зону ответственности» дворника входило все, что находилось на тротуаре, а также фасад дома. Они чистили снаружи двери домов, фонарные столбы и чугунные тумбы, ограждавшие тротуар, выливали воду из деревянных бочек, стоявших под водосточными трубами, огораживали и освещали часть улицы, где велись строительные работы.

Дворники должны были следить, «чтобы с наружной стороны подоконников не выставляли бутылок и горшков, чтобы не развешивали на балконах белье и платье; чтобы маляры, трубочисты, рабочие не ходили в грязном платье и с краской по тротуарам; чтобы маленькие дети жильцов не оказывались одни на улице и... чтобы не мочились на улицах»¹⁶. Формально обязанности дворника определяли договор с хозяином, постановления властей, но практически он был «прислугой за все». Дворник прибирал у колоды, где стояли извозчики с лошадьми, выдавал жильцам ключи от прачечных и чердаков, устанавливая очередность пользования ими, осматривал печи и очаги на предмет неисправности и даже следил за «благополучием оставленными на лето дачниками квартир».

Особенно много забот требовали дворы. Дворники отвечали за то, «чтобы дворы не загромождались экипажами, дровами и бочками, чтоб не держали взрыво- и огнеопасных материалов, чтобы сор собирали в спе-

циальные помойные ямы (позднее в баки с крышками), а «ветошники» его не растаскивали.

Немного передохнуть можно было только летом. Естественно, официального отпуска не было, но Питер пустел, господа разъезжались по «заграницам» и дачам. Дворники также могли по очереди уезжать в деревню: кто на пахоту, кто на сенокос, кто на уборку.

Жалованье им шло: артель выполняла работу за них. Оставшиеся дворники, горничные, кухарки чувствовали себя хозяевами летнего Петербурга. Они сидели на лавочках у ворот, лушили семечки, играли на гармонике»¹⁷.

Младший дворник сто лет назад получал не больше неквалифицированного рабочего — 15—20 рублей, старший — в два раза больше. Большая часть этих денег отсылалась семье в деревню, поэтому экономили на всем: жили и кормились артельно (готовила «матка» — жена старшего дворника). То, что на такое место находилось много желающих, объяснялось не только избытком в Петербурге неквалифицированной рабочей силы и нетребовательностью вчерашних крестьян, стремившихся любой ценой устроиться в городе, но и определенными выгодами этой работы.

Кроме жалованья, дворнику полагалось в доме бесплатное жилье. Семье старшего дворника — квартира, младшим — комната в первом этаже или подвале — «дворницкая».

Основной доход шел дворнику от жильцов. Мелочь можно было получить, выколачивая ковры, завязывая и вынося вещи при переезде, поднимая на чердак корзины с бельем.

За отдельную, уже фиксированную плату дворники носили в квартиру воду (платный водопровод появилась в 1863 году) и дрова. В каждом дворе были поленицы дров, которые нужно было распилить, наколоть и принести. «Каждый день они таскали вязанки дров на спине (были специальные приспособления) по черной, «кухонной» лестнице, которая вела во двор. Эти лестницы с простыми железными перилами предназначались для прислуги. Дрова складывались в огромный ящик на кухне»¹⁸.

Дворники убирали черные лестницы. А в Новый год, на Рождество и Пасху, в «день ангела», обходили жильцов с поздравлениями, получая «на чай» и, по обычаю, угощаясь водочкой с закуской. Но короток праздник у дворника — «даже напиток не успеешь».

Чтобы увеличить свои «праздничные», некоторые дворники придумывали оригинальные способы.

«...У него, как и у хозяина, квартиры были расценены по доходу, от гривенничка, получаемого по два раза в год с прежалкого и прекислого переплетчика... и до красненькой (10 рублей) двух квартир второго жилья... поэтому дворник давал постояльцам прозвания по числу рублей, получаемых к праздникам. Эти прозвища доходили до честолобивых жильцов, иногда повышая водочный гонорар. С жильцов беспокойных, которые постоянно возвращались домой по ночам, Григорий иногда настоятельно требовал на чай, уверяя, «что за ними де хлопот очень много»¹⁹. Впрочем, многие, «чтобы быть уверенными, что их сердечные тайны не станут достоянием улицы», не жалели денег.

Неофициальным, но распространенным способом «округлить капитал» была дача денег под проценты в своем кругу. Александр Дюма сразу заметил, «что дворники те же полицейские. Только их содержит не правительство, а частные лица...». Дворники могли стать платными агентами полиции, сообщая «о подозрительных сборищах и всех лицах, входивших и выходивших из дома и вызывавших подозрение»²⁰.

Но большинство дворников сотрудничало с полицейскими бескорыстно, потому что боялось их не меньше, чем хозяев. Полиция контролировала выполнение постановлений властей не только по охране, но и по благоустройству и содержанию в чистоте столицы империи. Значительная часть этих постановлений касалась содержания в чистоте улиц домов и дворов, так что дворники за различные неисправ-

ности могли быть оштрафованы полицией. «За оставление сора перед домом» дворник платил штраф 10–15 копеек, сон во время дежурств обходился в 1–5 рублей, появление в пьяном виде на дежурстве лишало трети жалования (на третий раз — увольнение), а неоднократный уход с дежурства без смены мог закончиться неделей ареста. Так было определено в «Положении о дежурных дворниках», которое вывешивалось на видном месте в полицейском участке, чтобы «дворники могли уяснить меру ответственности за неисправное несение обязанностей». Формально квартальный надзиратель, имевший «строгий присмотр» за состоянием улиц, мог оштрафовать домовладельца, но, если это происходило по не исполнительности дворника — штрафовали дворника»²¹. Все прегрешения дворника сообщались хозяину для принятия мер», так как «в столице служащие должны были быть безупречной нравственности», а затем заносились в специальный полицейский «учетный листок». При смене места службы новый хозяин мог обратиться в полицию и узнать ту правду, которая в принесенной рекомендации отсутствовала. Поэтому дворники предпочитали с полицией не ссориться, выполнять ее поручения, присутствовать в качестве понятых при обысках и арестах, производившихся в квартирах. Были дворники, прославившиеся поимкой нигилистов: газеты печатали фамилии («дворник, бляха №...») задержавших Каракозова и Рысакова.

Но даже если дворник не попадал в большую историю, он мог сделать карьеру в масштабах своего двора или дома. Например, дорасти до старшего дворника, стать швейцаром,

кучером, лавочником, пусть даже торговцем толкучего рынка, только изредка навешая родную деревню, — «человеку со столичным образованием в такой глуши жить тяжело».

Меньше всего думали петербургские дворники, что их профессия исчезнет как маленькое следствие разрушительных социальных перемен. Но, после Февральской революции 1917 года, вспоминала Мериэл Бьюкенен, «исчезли полицейские, направлявшие движение транспорта с помощью своих коротких белых жезлов... пропали куда-то и дворники в белых фартуках... несчастные лошади скользили по обледенелой мостовой, мальчишки катались на тротуарах, как на катке, и хождение по городу стало занятием трудным, а иногда — небезопасным»²². Уже в декабре 1917 года на улицах увидели «дворника поневоле», из чиновников, офицеров без погон или студентов «в переднике, с метлой в руке, неумело подметающего улицу на глазах у прохожих, отпускающих шуточки или сочувствующих ему, в зависимости от того, какую позицию эти прохожие занимали...»²³. Так власти пытались решить проблему содержания города в чистоте.

С национализацией жилья потеряли своих хозяев не только дома, но и дворники. Часть осталась преданной господам, стремясь сохранить хозяйское добро, многие вернулись в более сытую деревню, некоторые въехали в барские квартиры и грабили награбленное, вымещали старые обиды и унижения.

Но сложившийся веками уклад оказался столь прочен, что из всей «домовой прислуги» только дворники сохранили свое имя, облик и образ жизни на долгие годы.

¹ Засосов Д. А., Пызин В. И. Из жизни Петербурга 1890–1910-х годов. СПб., 1999. С. 61.

² Ривош Я. Н. Время и вещи: Очерки по истории материальной культуры в России начала XX в. М., 198. С. 182.

³ Дюма А. От Парижа до Астрахани. М., 1991. С. 40.

⁴ Пыляев М. И. Замечательные чудачки и оригиналы. СПб., 1990. С. 280.

⁵ Светлов С. В. Петербургская жизнь в конце XIX века (в 1862 году). СПб., 1998. С. 44.

⁶ Алфавитный сборник распоряжений по Санкт-петербургскому градоначальству и полиции, извлеченный из приказов за 1891–1901 гг. СПб., 1902. С. 44–45.

⁷ Инструкция для дежурных дворников. СПб., 1901.

⁸ Физиология Петербурга. М., 1991. С. 49.

⁹ Дюма А. Указ. соч. С. 9.

¹⁰ Наставления дворникам. Правила, извлеченные из свода законов и приказов Санкт-петербургского обер-полицмейстера. СПб., 1855. С. 2.

¹¹ Физиология Петербурга. С. 44–45.

¹² Светлов С. Ф. Указ. соч. С. 45.

¹³ Добужинский М. В. Воспоминания. М., 1981. С. 11.

¹⁴ Наставление дворникам. С. 9.

¹⁵ Светлов С. В. Указ. соч. С. 48.

¹⁶ Наставления дворникам. С. 12.

¹⁷ Добужинский М. В. Указ. соч. С. 11.

¹⁸ Колиндер Т. Петербургское детство // Невский архив: Ист.-краев. сб. М.; СПб., 1995. 11. С. 7.

¹⁹ Физиология Петербурга. С. 46.

²⁰ Наставление дворникам. С. 5.

²¹ Наставление дворникам. С. 8–9.

²² Алексеева И. М. Мериам Бьюкенен свидетельница великих потрясений. СПб., 1988. С. 174.

²³ Гирс И. В. Воспоминания из моей жизни // Невский архив: Ист.-краев. сб. СПб., 1999. С. 64.